

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Университеты в образовательном
пространстве региона:
опыт, традиции и инновации**

Материалы
научно-методической конференции,
посвященной 70-летию
Петрозаводского государственного университета
(16–17 февраля 2010 г.)

Часть I
(А–К)

Петрозаводск
2010

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

факультетов университета не имеют таковой) и на этой основе собственно технологической.

О «ЛЖЕУЧЕНОСТИ», КОРЫСТИ, ИНТРИГАНСТВЕ И КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКЕ: ПОРОКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Т. Н. Жуковская

ПетрГУ, Петрозаводск

Прежде всего, нужно сказать об архаике дореформенного российского университета, который в историографии часто модернизируется. Во-вторых, для рассматриваемого времени, когда сама система университетов и университетские традиции переживали процесс становления, большое влияние имели перенесенные вместе с институциями и формами деятельности из Германии – корпоративные нормы жизни немецкой профессорской среды. Это было заметно в тех университетах, где немцы в составе корпорации составляли изрядную долю (Дерптском, Московском). Петербургский университет к таким не относился, при немалом числе иностранцев в составе профессоров, «немецкая партия» здесь была малочисленной и разобщенной. Зато в Петербургском педагогическом институте и университете было немало выходцев из других уголков Европы: французов, англичан, итальянцев, словаков (карпатороссов). Многие никогда не преподавали в университете до приезда в Россию и принесли с собой нравы и привычки среды, не связанной нормами университетской корпоративности, которые вырабатывались веками. Отсюда большое количество отклонений в поведенческих стратегиях и поступках профессоров российских университетов того времени не только от вышеписанных норм, но и от регламентации поведения государственных чиновников в России, каковыми профессора прежде всего являлись. Какие же «пороки» и отклонения от корпоративной этики европейского профессора встречались в профессорском сообществе молодых российских университетов?

Располагая достаточно обширным документальным материалом, извлеченным из университетских архивов, мы не будем рассматривать отклонения в частной жизни профессоров, осуждаемые с точки зрения корпоративной или общественной морали. Нас интересует в данном случае публичная жизнь и профессиональная сфера их деятельности.

Историческая оценка, предложенная с позиций сегодняшнего дня, которая учитывает, прежде всего, научную и деловую репутацию профессора или представителя университетской администрации, далеко не тождественна той оценке, которую выносили современники. Состав профессоров и администраторов российских университетов первых десятилетий XIX века демонстрирует то, что можно назвать «издержками отрочества». Среди них были и иностранцы, чьи познания в науках оказывались весьма сомнительными, а отношения

с корпорацией конфликтными, или это были люди, откровенно использовавшие должностные привилегии. Так, ректор Харьковского университета Стойкович, пользуясь правом беспошлинного для университета провоза через таможенную вещь, прославился тем, что смог провезти огромное количество дорогих вин и организовать в Харькове бойкую винную торговлю. Он был уличен, дело его рассматривалось в университетском и общегражданском суде, но до окончания процесса Стойкович не дожил. Его вина была признана, что отразилось на положении наследников, которым было отказано в определении пенсии¹. Между прочим, не считался отклонением донос, поданный на коллегу по университету вышестоящему начальству, а то и в полицейское ведомство. «Дело Стойковича» началось именно с доноса адъюнкта Е. А. Васильева в 1813 году, обвинившего ректора не только в корыстных действиях, но и в приведении в упадок университета. Через 20 лет донос о «всеобщих беспорядках» в родном университете подал на имя министра народного просвещения харьковский профессор Венедиктов².

Конфликты внутри корпорации часто протекали очень бурно, в замкнутой среде провинциальных университетов, ее члены вели себя вполне «подомашнему», не стесняясь в выражениях и действиях. В совете Казанского университета, например, дебаты проходили очень бурно. В записях об осмотре университета в 1806 году упоминается, что «раздоры членов Совета, неприличные даже людям последних классов, ежедневно увеличиваются и простираются до того, что мимо ходящие слыша их споры и крик, останавливаются под окнами Совета». Оставалось только «уведомить полицию для разогнания толпящихся на улице слушателей»³. В 1810 году казанский профессор Ф. Броннер доносил попечителю, что опасается ходить в заседания Совета и Комитета, «где интриги, раздоры и обиды – ужасны, ибо даже пьяные там присутствуют»⁴.

Довольно распространенным пороком, судя по материалам университетского делопроизводства, было манкирование учебными занятиями. В начале XIX века ректор университета эпизодически доносил попечителю о нерадивых профессорах: кто сколько часов в неделю пропустил и по какой причине, но профессора серьезным дисциплинарным взысканиям не подвергались. С 1833 года, по предложению министра народного просвещения С. С. Уварова, попечители округов должны были ежемесячно подавать сведения о профессорах и преподавателях, «не явившихся или опоздавших к своей должности»⁵. К тому времени во многих университетах сложился конкурс на профессорские места, поэтому перспектива быть уволенным за нерадение к должности стала реальностью.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 735, оп. 3, д. 192, 256.

² РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 455.

³ Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 2. Казань, 1903. С. 474.

⁴ Там же. С. 474.

⁵ РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 453.

Иногда преподаватели (особенно иностранцы), подпавшие под воздействие мифа об «академических свободах», ненамеренно нарушали жесткое российское законодательство о государственной службе: отлучались с места службы на короткий срок без оформления паспорта, с опозданием возвращались из отпуска, недостаточно внимательно относились к оформлению служебных бумаг. Случалось, уже после вступления в русскую службу или перемещения профессора к другому месту службы в его прошлом обнаруживались нелады с законом. Так, некоторых профессоров-немцев, не рассчитавшихся по долгам на родине, кредиторы преследовали и в России, а профессор Педагогического института Р. А. Жиле в 1830 году был обвинен в растрате казенных денег во время службы в Ришельевском лицее, спустя несколько лет после оставления Одессы¹.

Обвинение в растрате стало центральным звеном кампании 1825–1826 годов по отстранению от управления округом петербургского попечителя Д. П. Рунича. На самом деле ревизия выявила огромный перерасход сумм, допущенный строительным комитетом университета, созданным для перестройки и ремонта его помещений. В 1823 году строительный комитет переключился на новое строительство, а Рунич представил на высочайшее имя обширный проект нового комплекса зданий на окраине города. К концу 1825 года были полностью израсходованы все экономические (т. е. резервные) суммы университета, деньги, отпускаемые на канцелярию попечителя, а также 1,5 млн. руб., полученных в виде займа в Государственном банке. Однако через 5 лет после начала строительства возведение новых университетских зданий было весьма далеко от окончания и в итоге было брошено, а «недострой» пришлось продать.

Комиссия, расследовавшая это дело в 1826 году, не обнаружила прямого присвоения сумм, открыв, что деятельность комитета скорее – пример вопиющей хозяйственной некомпетентности попечителя округа Д. П. Рунича и администрации университета. Кроме Рунича, первоначально обвинению были подвергнуты и другие члены строительного комитета, в том числе профессора Зябловский, Дегуров, Сенковский, Боголюбов, Соловьев и др. Рунич ответил за растрату личной карьерой и имуществом (на его имения был наложен секвестр), хотя и освобожден от выплаты штрафа. В 1833 году, по ходатайству министра народного просвещения С. С. Уварова перед Комитетом министров, профессора как «не уличенные ни в каком преступлении» и продолжающие «приносить пользу университету» были освобождены от штрафов, а в их формулярах было решено не показывать тот факт, что они были под следствием. Афера строительного комитета была признана не преступлением, а «недоразумением»². Таким образом, профессора не только были оправданы, но через несколько лет после инцидента официально был предан забвению даже факт следствия. Это говорит, насколько важными были формальные требования к чести профессорского сословия. Рунич же остался навечно осужденным общественным мнением, причем не столько за растра-

¹ РГИА, ф. 733, оп. 93, д. 18.

² РГИА, ф. 733, оп. 21, д. 13, л. 110–111.

ту, сколько за «разгром» преподавания в университете, во время инспирированного им «дела профессоров».

До утверждения в 1819 году положения об ученых степенях, регламентировавшего их иерархию и условия получения, открывалась масса возможностей присвоения ученой степени, минуя необходимые стадии написания и защиты диссертации, и даже путем прямого подлога – изготовления фальшивых дипломов о докторстве. «Открытие» таких злоупотреблений часто было «делом рук» коллег по университету и выносилось на всеобщее обсуждение, поскольку университетский суд был неотъемлемым атрибутом уставов 1804 года, хотя и не везде одинаково эффективным. Особенно активно он действовал в Дерптском университете, непрерывно разбирая взаимные тяжбы и проступки членов «ученого сословия» и студентов. Вскоре, по настоянию дерптской корпорации, понадобились постановления, дополняющие и разъясняющие общеуниверситетское законодательство о суде¹. Однако именно в Дерпте обнаружилась неразборчивость при производстве в докторские степени, минуя действующие правила. В 1816 году, по инициативе попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова, поддержанной министром, были лишены ученых степеней докторов медицины профессора Вальтер и Вебер, не державшие испытаний и не представившие диссертаций. За это упущение были отрешены от должности также ректор Дерптского университета Штельцер и декан Кехи, а прочие профессора, допустившие в совете присвоение «ложного докторства», получили строгий выговор². Этот инцидент и вызвал пересмотр правил присвоения ученых степеней и издание нового положения.

Примеров «несоответствия» поведения образу и статусу университетского человека встречается немало. В редких случаях вся университетская карьера выглядит как авантюра, рождающая убеждение в том, что имярек десятилетиями попросту занимал чужое место в университете, удерживая его из соображений выгоды. Такова карьера Антона Антоновича Дегурова (1765–1849), уроженца Франции, в которой, как в зеркале, представлены почти все пороки, какие только могли омрачить репутацию университетского профессора. При отсутствии каких-либо особых талантов, систематической подготовки в какой-либо из областей знания он не только приобрел докторство и профессорство, но взошел на вершину университетской администрации. Начав российскую службу в 1807 году в Харьковском университете, в 1817 году он стал адъюнктом, затем профессором, с 1825 по 1835 год был ректором Петербургского университета.

Репутация Дегурова уже в харьковский период была сомнительной. Его коллега-немец Роммель пишет о нем: «Знание людей, светский такт, пылкий характер и ловкое умение соблюдать свои выгоды, делали его опасным соперником для всякого; презирая русских, ненавидя немцев, он умел мастерски притворяться перед теми и другими»³. И другие мемуаристы характери-

¹ РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 279.

² РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 284.

³ Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания проф. Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1819) Харьков, 1858. С. 23.

зуют Дюгура как слабого профессора, но выдающегося интригана, ловкого карьериста, не стеснявшегося средств для достижения своих целей.

С именем Дюгура во время его профессорства в Харьковском университете связано несколько скандальных историй, в частности, адъюнкт Гамперле обвинял его в 1806 году в отсутствии преподавательских способностей. В другом доносе Дюгур был заподозрен в подозрительных сношениях с Францией, в то время главным политическим противником России. Однако специальная комиссия «по разбору иностранцев» Дегурова оправдала¹. Чтобы упрочить свое положение, он подал прошение о вступлении в российское подданство, а в 1811 году обратился в Правление университета с прошением о том, чтобы дать своему имени «русское словоокончание и правописание», объясняя это тем, что Россия сделалась для него «вторым отечеством» и он хотел бы «теснее связать себя и детей моих с государством, коему я служу». В 1812 году он получил официальное разрешение именоваться Дегуровым.

В 1811 году в Харьковском университете Дюгур получил докторскую степень за свои сочинения². Актовые речи и сочинения он писал по-французски, до конца своей жизни он так и не овладел русским языком, а для сношений держал при себе переводчика. В 1817 году Дегуров добился зачисления в штат Главного педагогического института, правда, лишь на должность экстраординарного профессора французской словесности. Отъезд Дегурова из Харькова был поспешным, следствием чего было несколько лет тянувшееся дело о возвращении им в университетское правление денег за отпечатание его сочинения «О ногайских татарах» и взятых из университетской библиотеки книг. Книги он так и не вернул, а деньги за издание несколько лет вычитались из его жалования в Петербургском университете.

При преобразовании Главного педагогического института в университет в 1819 году Дегуров остался в должности ординарного профессора французской словесности. Историю в Главном педагогическом институте и университете преподавал приехавший из Германии Эрнст Раупах, но Дегуров, видимо, очень хотел совмещения двух кафедр.

Осенью 1821 года в стенах университета разыгралось известное «дело профессоров», инспирированное Д. П. Руничем, который обвинил профессоров А. Галича, Э. Раупаха, Ф. Германа и К. Арсеньева в том, что они в своих лекциях подрывают основы религии и государственности, сеют «безбожие». При разбирательстве этого дела Дегуров выступил ревностным помощником Рунича и вместе с ним старался очернить своих коллег, в особенности профессора всеобщей истории Э. Раупаха, своего конкурента, кафедру которого он и получил после высылки Раупаха из России. По мнению одного из мемуаристов, это была неравноценная замена, к тому же Дегуров «ни слова не говорил по-русски и отказался от преподавания через два месяца, т. к. студенты не понимали ни по-французски, ни по латыни». В дальнейшем Дегуров получал профессорское жалование и занимал кафедру всеобщей истории, не читая лекций, которые читал за него сначала адъюнкт Т. О. Рогов, а

¹ РГИА, ф. 733, оп. 22, д. 60, л. 22–23.

² Там же. Л. 24.

затем кандидат Крылов. Преподавание истории в университете более 10 лет переживало настоящий упадок и ограничивалось простым перечислением фактов, «без малейшего проникновения в причины и соотношения событий». Вскоре Дегуров перестал преподавать и французскую словесность, переложив предмет на лектора де Сен-Тома.

В 1822–1824 годах положение Дегурова в Петербургском университете еще более упрочилось, он занял место декана историко-словесного факультета. В эти годы он стал выразителем установки министерства на усиление надзора за университетами и пересмотр учебных программ в сторону клерикализации содержания и сокращения объема преподавания «общественных» наук. Его актовая речь «О направлении, определенном для преподавания в университетах» (СПб., 1823) была ультрареакционной и отдалила от Дегурова даже самых умеренных людей.

В 1824 году Дегуров получил разрешение на командировку за границу, где продолжал собирать материалы для своего исследования о воспитательных домах. Протежируя Дегурова в получении оплачиваемого отпуска за границу, Рунич с пафосом писал о нем как «украшении университета», о том, что «ученые, подобные ему, редки, чиновники же с чувствами и способностями, какие он имеет, еще реже»¹.

Вернувшись из командировки в августе 1825 года, Дегуров окончательно «охладел» к преподаванию. 18 июля 1825 года он обратился с письмом на Высочайшее имя об увольнении из университета «и назначении куда-либо генеральным консулом или просто консулом». Он мотивировал свою просьбу невозможностью продолжать жизнь в столице из-за «расстроенного здоровья», из-за болезни единственной оставшейся дочери, а, главное, из-за материальных затруднений. Дегуров уверял, что ему ежегодно приходилось добавлять значительную сумму к недостаточному жалованию из своего капитала, составлявшего наследие пятерых дочерей, из которых четыре умерли в России от плохого климата. Этот капитал закончился, и теперь он не имеет «других средств к пропитанию, кроме службы».

Уточним, что в момент обращения Дегуров по двум занимаемым им кафедрам французской словесности и всеобщей истории и по должности декана получал не менее 7 тыс. руб., т. е. больше, чем кто-либо из профессоров университета. Проситель признавался, что оставляет российское подданство с большим сожалением, но что, находясь при посольстве, он хочет быть по-прежнему полезен России, ведя переписку «о проектах политических, торговых, финансовых».

Александр I передал это странное прошение министру народного просвещения А.С. Шишкову, который, в свою очередь, направил запрос попечителю Д. П. Руничу, «не стоит ли какого препятствия к увольнению» Дегурова. Но Д. П. Рунич, видимо, боясь потерять столь влиятельного союзника в университетской корпорации, настоял на продолжении службы Дегурова, обеспечив ему получение ректорской должности. В чрезвычайном собрании Совета 16 августа 1825 года Дегуров был избран ректором на три года вместо

¹ РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 187. л. 195.

престарелого Е. Ф. Зябловского и должен был «заслужить сие звание и оправдать оказанную ему доверенность». Избрание произошло на основании устава Московского университета, который к тому времени был распространен на Петербургский университет, однако выборы представляли собой лишь автоматическое утверждение кандидатуры, предложенной попечителем и уже одобренной министром. Избрание ректором для самого Дегурова было неожиданностью (он не пользовался популярностью у коллег, но свою роль здесь сыграл «административный ресурс» в лице Рунича), но побудило его отказаться от планов дипломатической карьеры и остаться в России. При характере и карьерных планах Дегурова ректорство стало для него инструментом дополнительного обогащения и карьерного продвижения.

Все это время Дегуров не переставал состоять на административной службе вне университета, в Ученом комитете канцелярии Министерства финансов, в Комитете по ученой части при Императорском человеколюбивом обществе, в Статистическом отделении МВД.

Во время ректорства Дегуров совсем не стремился вывести Петербургский университет из того упадка, в котором он оказался после «дела профессоров». Состояние университета в 1828 году и деловые качества его ректора были красноречиво охарактеризованы в записке директора департамента МНП И. И. Мартынова, адресованной в Главное правление училищ. Ее автор, между прочим, обратил внимание на то, что уклонение Дегурова от преподавания является прямым нарушением устава: «Некоторые профессора мало заняты преподаванием предметов, а некоторые вовсе не обучают сами». Относительно Дегурова Мартынов, прекрасно знавший специфику столичного университета, писал, что занятие должности ректора «не дает права облегчать в главной должности, а кандидат не может заменить опытного хорошего профессора, тем более что Университет имеет дело не с начинающими или мало познакомившимися с науками учениками»¹. Совет университета в ответ на это замечание представил объяснения, которые не были признаны основательными, и дело о «праздности» Дегурова, не занятого преподаванием, снова было поднято в Главном правлении училищ в 1829 году. Ректору даже пришлось объясниться в совете университета, пообещав, что в текущем году он возобновит преподавание французской словесности по 2 ч. в неделю².

В конце 1828 года Дегуров по Высочайшему повелению был вновь утвержден ректором. Однако выборы 1828 года показали, что пассивность профессорской корпорации уже не абсолютна. При голосовании в совете 30 октября 1828 года Дегуров получил 10 избирательных и 4 неизбирательных голоса³. Его ближайшим соперником на выборах был проф. Д. С. Чижов, получивший соответственно 6 избирательных и 8 неизбирательных голосов.

В декабре 1831 года Дегуров вновь был оставлен ректором «до воследования нового образования университета», по предложению попечителя К. М. Бороздина. Однако подготовка нового университетского устава зата-

¹ РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 187, л. 30.

² Там же. Л. 48.

³ Там же, л. 51-51 об., 58.

нулась на несколько лет, и казалось, что время Дегурова в университете никогда не кончится. Бороздин считал, что «по здешнему положению лиц, составляющих ученое сословие университета, я даже не знаю, кто может быть избран в должность Ректора»¹. Последний аргумент красноречиво свидетельствовал об упадке университета, который в значительной степени был следствием продолжительного управления Дегурова.

Закат карьеры ректора, который по возрасту давно должен был оставить «ученое сословие», но удерживался в университете покровительством двора и попечителя, начался после назначением министром народного просвещения С. С. Уварова, слишком хорошо знавшего подлинные качества Дегурова.

В 1832 году Дегуров получил звание заслуженного профессора (хотя к тому времени уже давно не преподавал). В 1833 году он был по Высочайшему повелению в четвертый раз оставлен во главе университета, с максимальной пенсией в размере 4 тыс. руб., «доколе будет оставаться ректором». Однако Дегурову этого мало, он хочет добиться новой прибавки к жалованию, используя прежние аргументы, намекая на сделанные долги, и даже на то, что понес издержки из собственных средств по должности ректора. Это прошение имело успех, и по решению Комитета министров Дегуров получил единовременное вознаграждение в 10 тыс. руб.

В 1835 году он через попечителя М. А. Дондукова-Корсакова ходатайствовал о пожаловании аренды, но Николай I рассудил, что ему достаточно выплаты сверх жалования по 1 тыс. руб. ежегодно. В своих обращениях Дегуров неизменно преувеличивал свои заслуги перед университетом. Говоря о результатах почти 10-летнего управления, он пишет, не брезгуя подтасовкой фактов: «Порядок во всех частях управления был восстановлен, незаконный отпуск сумм прекращен... В то время (в 1825 году. – Т. Ж.) в университете было 32 студента, а ныне... считается их 236. Ласкаю себя, что я как ректор участвовал в удалении пагубных правил, заражающих юношество в государствах Западной Европы. С тех пор как я имею честь начальствовать в университете, распри, происходившие между некоторыми из членов оного, прекратились, мир воцарился»².

В январе 1836 года Дегуров был освобожден от ректорства и одновременно от службы в университете в связи с введением нового устава и избранием ректором И. П. Шульгина. Но и после этого он продолжал докучать начальству просьбами о «каком-либо вознаграждении». К слову, в тот момент Дегурову было уже более 70 лет, и по возрасту оставаться в университете действующим профессором он не имел права. Дегуров писал даже на имя шефа III отделения А. Х. Бенкендорфа, жалуясь на незаслуженную обиду. Попав к С. С. Уварову в январе 1837 года, это его прошение вызвало возмущение министра. Он просил попечителя разобраться и «показать неосновательность жалоб г. Дегурова»³. Уваров показывал, что с введением нового устава Дегуров должен был вернуться в категорию «заслуженных профессо-

¹ Там же, л. 97 об.

² Там же, л. 118, 122, 122 об.

³ Там же, л. 143.

ров», если бы продолжал преподавать¹. Но оставив преподавание задолго до окончания ректорства, он с 1836 года «вовсе перестал принадлежать университету». Испрашиваемая им прибавка к полученной при увольнении пенсии в 4 тыс. руб. также была сочтена «неосновательной», тем более что, уволившись из университета, он продолжал числиться по Министерству финансов с окладом в 3000 руб. дополнительно к пенсии. Показав «неосновательность изветов» Дегурова, Уваров обратил особое внимание на «неприличный тон», в котором были составлены его прошения на Высочайшее имя. По этому поводу Комитет министров распорядился: «призвать просителя» к Петербургскому военному губернатору и сделать от Высочайшего имени выговор за помещение «неприличных выражений».

При своей изворотливости Дегуров оставался ректором университета более десяти лет, «пересидел» трех попечителей. Только реформа университетов середины 1830-х годов, поставившая вопрос о повышении уровня преподавания и разграничении номенклатуры наук, повлекла свертывание его университетской карьеры. Дилетантам типа Дегурова уже не было места в реформированном университете. После отставки Дегуров поселился в Одессе, где прожил еще много лет и умер в глубокой старости. В течение 30-летней службы в России он был пожалован многими российскими орденами, а в 1818 году в знак признания заслуг в литературном оправдании казненного Людовика XVI он был награжден орденом Почетного легиона. Но если оценить его поведенческую стратегию объективно, все это время Дегуров откровенно манкировал не только профессорскими, но и ректорскими обязанностями, при этом без конца досаждал просьбами о прибавке жалования и пенсии или отправке «куда-нибудь послом». В противном случае он грозил покинуть Россию. Дегуров умел внушить каждому новому патрону представление о своей необходимости. Понял и разоблачил его только С. С. Уваров.

Обычным делом с начала существования профессорской корпорации в России было «протаскивание» на имеющиеся вакансии своих учеников из числа студентов и магистров: для обеспечения с их помощью поддержки в совете и правлении, а также ради передачи части обременительных занятий. Столкновения между профессорами происходили по поводу кандидатур принимаемой в штат молодежи и нарушения правил соревновательности и публичности в их продвижении. В 1812 году в Педагогическом институте возникли разногласия между профессорами Е. Ф. Зябловским и П. Д. Лодием по поводу преждевременного, как казалось Лодию, зачисления ученика Зябловского К. И. Арсеньева в адъюнкты, поручения ему лекций самого профессора и представления к чину титулярного советника. (Предмет их разногласий, К. И. Арсеньев, впрочем, вскоре получит заслуженное признание как ученый и преподаватель). Конференция профессоров, рассматривая дело, находила, что причина конфликта в том, что «г. профессоры... неравнодушно приняли личные между собой объяснения». Лодий требовал соблюдения порядка при представлениях и в чтении курсов, от которого, как ему казалось, начинают уклоняться молодые коллеги. Немец Лодий обвинил Зябловского в личном неуважении к себе, элементар-

¹ Там же, л. 175 об. 176.

ном русской хамстве. Зябловскому придирки Лодия показались чрезмерными. Само дело о замещении лекций было вскоре улажено, но личная обида между профессорами осталась. Конференция трижды пыталась примирить их, но из-за обидчивости Лодия в этом не преуспела¹.

После издания непопулярного указа о введении «экзаменов на чин» 1809 года общество александровского времени много говорило о злоупотреблениях, порождаемых неизбежным его нарушением, которые приписывались профессорам, якобы берущим взятки за проставление оценок, дополнительные занятия с вольнослушателями, желающими сдать экзамен. Между тем упоминаний о действительных происшествиях подобного рода в архивных документах не встречается, и это не случайно. Дело в том, что экзаменованье чиновников по каждому предмету проходило в аттестационной комиссии из 5–7 профессоров, и «подкупить» всех ее членов было практически невозможно. Документы как раз говорят о большом количестве неудовлетворительно сдавших испытания по одному или нескольким обязательным предметам. Выходом из положения было только действительное, а не формальное знакомство с науками и посещение курсов для вольнослушателей или «приватных» курсов профессоров, разрешенных министерством.

«Взяткоемкие», на нынешний взгляд, места и должности в университете в то время не вели к деградации профессорского сословия по двум причинам. Во-первых, его члены были почти лишены возможности действовать единолично, все дела обсуждались и решались корпоративно, включая такую «мелочь», как принятие экзамена у студента или частного лица или отпуск продовольствия для казенных студентов. Во-вторых, входя в постоянно действующий хозяйственный комитет университета или в чрезвычайный строительный комитет, члены корпорации не имели прямого доступа к деньгам, хотя несли коллективную ответственность за их расходование. Университетская касса хранилась... в специальном кованом сундуке, ключи от которого были у ректора, а право запрашивать те или иные суммы «на хозяйство» принадлежало университетскому эконому, чиновнику, стоящему вне корпорации. Вот он-то действительно имел возможность личного обогащения при перерасходе денег по той причине, что мог предлагать подряды на поставку продуктов, вещей, на выполнение хозяйственных работ по заведомо завышенной цене и иметь «навар» по сговору с подрядчиком. Не случайно прослуживший в Педагогическом институте более 10 лет эконом Синдеев закончил карьеру под судом. «Уличать» его пришлось именно членам профессорской корпорации.

Корни многих университетских инцидентов кроются в маргинальном положении профессорской корпорации, особенно ощутимом в структуре петербургского общества. Даже положение ректора дореформенного университета не могло сравниться с независимым положением Президента Академии наук или директора Кадетского корпуса, имевшего генеральский чин. Должность ректора университета в 1800–1840-е годы соответствовала чину всего лишь статского советника (VI кл.) и только с 1860-х годов, при соответствующем сроке вы-

¹ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга, ф. 139, оп. 1, д. 868.

слуги, избранный ректор получал чин IV класса (тайный советник). Во второй половине XIX – начале XX века с умножением профессорской корпорации, усложнением ее внутренней структуры (появление института приват-доцентов, которые годами боролись за место хотя бы экстраординарного профессора, практикой оставления на кафедре заслуженных профессоров, выслуживших 35-летний срок) поводов для острых взаимных счетов и конфликтов в профессорской среде прибавилось. Эти конфликты обсуждались публично, в заседаниях университетских и факультетских советов, протоколы которых чрезвычайно интересны с точки зрения исследования корпоративного самосознания и его трансформаций. Но это – тема отдельного исследования.

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А. П. Зильбер

ПетрГУ, Петрозаводск

Эта лекция представляется в разделе *Этическая подготовка специалистов в высшей школе*. Поэтому, прежде всего, необходимо договориться о терминах, тем более что они толкуются отнюдь не однозначно.

Этимология терминов

Мы понимаем представленные ниже термины так:

Этика (от греч. слова «эмос» – нрав, обычай) – это *наука о морали*.

Если этика – это наука о морали, то **мораль** (от лат. *moralis* – нравственный) – это *совокупность норм и принципов поведения, принятых в данном обществе в данное время*.

Деонтология (от греч. «деон» – нужно, должно, надлежит) – это рассуждение о том, *как должно поступать в той или иной ситуации и как поступать нельзя*.

Утилитаризм (от лат. *utilitas* – польза, выгода) может быть упрощенно истолкован как *принцип оценки всех процессов, явлений и предметов только с позиций их полезности*.

Человековедение (от слав. «чело» – род, потомство, «век» – сила (противопол. увечье), «ведение» – ведать, знать) – это *осознавание представителем любой науки не только тех ее достижений, которые идут во благо человеку, но также и тех, которые приносят вред ему или его потомкам*.

Медицина – это *не только наука, но и искусство достичь взаимодействия нашей собственной индивидуальности с индивидуальностью больного*.

Совість – это *внутренняя потребность совершать добрые дела и воздерживаться от недобрых, при условии, что ни про те, ни про другие никто и никогда не узнает* (именно внутренняя потребность, а не внешняя)

Ассоциация начинающих преподавателей учреждений начального и среднего профессионального образования Республики Карелия была создана при поддержке Министерства образования Республики Карелия и Совета директоров образовательных учреждений среднего профессионального образования.

Современный педагог – кто он? Можно ли стать профессионалом в педагогике? Что необходимо для профессионализма? Из чего состоит педагогическое мастерство?

На эти и многие другие вопросы пытаются найти ответы члены Ассоциации на наших встречах.

Работа Ассоциации начинающих преподавателей основывается на **активной позиции** участников проекта и ведется по различным направлениям: проектно-исследовательская деятельность, проблемные и обучающие семинары, мастер-классы, психологические тренинги, творческие встречи.

Проект предназначен не только для новичков в системе профессионального образования, но и для тех, кто ищет себя и предполагает знакомство с методическими, педагогическими, психологическими, юридическими основами работы, совместную работу слушателей и преподавателей.

Традиционным стало участие членов Ассоциации начинающих преподавателей в ежегодной Республиканской конференции учреждений начального и среднего профессионального образования Республики Карелия и фестивале педагогического творчества. Фестиваль является неким итогом годовой работы Ассоциации, способствует поддержке молодых педагогов, развитию их инициативы, творчества и, конечно, повышению профессионализма.

Условием участия в фестивале является представление опыта инновационной педагогической деятельности, а также творческих инициатив в различных формах: работа над проектом, использование современных педагогических технологий, создание цифровых образовательных ресурсов, организация воспитательной работы и т. д.

Интерес к Ассоциации растет года от года, и у молодых педагогов еще много нереализованных планов и идей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ЕГО ВЫПУСКНИКИ В СИСТЕМЕ УЧИЛИЩ СТОЛИЧНОГО ОКРУГА (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Е. А. Калинина

МОУ «Эссойльская СОШ», Эссойла

В начале образовательной реформы Александра I было принято решение готовить преподавательские кадры для гимназий в университетах. В 1803 году на базе Учительской семинарии в Петербурге была открыта Учительская гимназия, в 1804 году она была преобразована в Педагогический институт, а в 1819 году – в Императорский Санкт-Петербургский университет. Именно здесь в пер-

История Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

вой трети XIX века сложился основной центр подготовки учителей не только для училищ столичного округа, но и для гимназий и училищ других округов.

По окончании учебного курса в институте (университете) проводилось распределение казенных воспитанников на должности учителей в главные и малые народные училища учебных округов. Такое распределение по «учительским местам» производила конференция института. В течение академического года в адрес попечителя учебного округа от дирекций народных училищ поступала информация о вакансиях, на этой основе составлялся список возможных учительских мест, который и предлагался выпускникам университета. Данные о вакансиях были открыты для всех интересующихся. Каждый из воспитанников за полгода знал об этих списках, к тому же конференция должна была объявлять о том «в ведомостях обеих столиц»¹. Казенным студентам (а в Петербургском педагогическом институте и в университете до начала 1830-х годов их было абсолютное большинство) необходимо было прослужить шесть лет по Министерству народного просвещения на учительских должностях.

Ежегодно в университете проходило распределение студентов по губернским гимназиям и уездным училищам. Списки выпускников, отправленных на учительские должности, утверждал попечитель Петербургского учебного округа. Само распределение на должности проходило с участием студентов университета, которые принимали определение в то или иное училище и давали подписку о своем согласии на это. Так, в 1809 году конференция Педагогического института распределила своих воспитанников И. Д. Воскресенского и П. Флоринского в Олонецкую губернию, а они дали письменное согласие заступить на учительские должности соответственно в Петрозаводское и Вытегорское уездные училища. Однако вскоре после распределения П. Флоринский подал прошение в конференцию о том, что выехать не может по состоянию здоровья, да и родственники в Москве обещали устроить его на учительскую должность в Московском учебном округе. Тогда конференция обратилась к попечителю Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву с просьбой о пересмотре распределения П. Флоринского, причем в представлении указывалось, что «Конференция, стараясь размещать студентов на учительские места по доброй воле, доколь то возможно, и при том уважает причины, предполагавшие определение его [П. Флоринского] по Московскому учебному округу»². Согласие Н. Н. Новосильцева было вскоре получено. П. Флоринский поехал работать в Москву, а в Олонецкую губернию вместо него был отправлен студент В. И. Березниковский, предварительно дав на это свое согласие. Таким образом, конференция Педагогического института, с одной стороны, заботилась о своих студентах, считаясь с их пожеланиями по трудоустройству и распределению на учительские места, с другой стороны, помогала укреплять кадры губернских и уездных училищ постоянными учителями на местах. По мнению

¹ Образование Главного Педагогического института // Сборник постановлений и инструкций по МНП. Т. 1. СПб., 1864. С. 871.

² Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (Далее: ЦГИА СПб), ф. 139: Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа, оп. 1, д. 208, л. 2.

конференции, молодые педагоги, отправляясь на работу по собственному желанию, а не по принуждению могли дольше и усерднее работать на учительских должностях. Правда, эта мягкая позиция приводила к тому, что невыгодные вакансии долго оставались незаполненными. Никто не хотел ехать в отдаленные уездные училища Олонецкой губернии или перемещаться в Финляндию или Виленский учебный округ, не имея там ни связей, ни прочной материальной базы.

Студенты отправлялись на учительское место не с пустыми руками. Они бесплатно получали в университете «учебные книги, коими снабжены были для слушания курса»; также вся «обмундировка» оставлялась при них¹. Кроме того, отъезжающим выплачивалось авансом штатное жалование и «прогонные». Так, отправленным в Олонецкую губернию И. Д. Воскресенскому и В. И. Березниковскому в 1809 году было «выдано 300 рублей за треть вперед и сверх того из училищной казны на путевые издержки каждому по 100 рублей»². В 1819 году К. В. Баранкоев «получил деньги на проезд на две лошади 57 руб. 10 копеек и 250 рублей третнего жалования по окладу старшего учителя»³. Эти «подъемные» суммы предоставлялись всем выпускникам на переезд к месту учительской службы и на обустройство.

Первыми выпускниками Санкт-Петербургской учительской семинарии (впоследствии университета), приехавшими в 1802 году по распределению на работу в Главное народное училище Олонецкой губернии, были П. А. Лопатинский, Г. К. Ореховский и М. А. Копосов. Главное народное училище, куда прибыли выпускники, созданное в 1786 году, в то время не располагало никакой материальной базой. Положение молодых педагогов осложнялось тем, после пожара в 1802 году в здании народного училища проводить занятия было невозможно, поэтому училище размещалось в наемном помещении, не приспособленном для обучения детей.

Оказавшись вдали от центра, в глухом провинциальном городе, выпускники сталкивались с большими трудностями в профессиональной деятельности. Приезжая на «учительские места» молодые учителя обычно не обнаруживали в губернских гимназиях и уездных училищах никаких учебных пособий, теоретических и практических руководств по преподаванию учебных предметов, кроме того, в классах-кабинетах не было наглядных таблиц, карт, приборов, остро стояла проблема с учебниками и письменными принадлежностями. В таком положении находилось большинство главных и малых народных училищ на окраинах империи.

К трудностям преподавания добавлялась неустроенность быта, тяжелые условия службы, суровый климат северной провинции. Все это оказывало негативное влияние на здоровье 20–22-летних выпускников. Многие из приехавших в Олонецкую губернию выпускников университета заболели и не доживали до пенсионного возраста. Пример тому – судьбы студентов,

¹ Образование Главного Педагогического института... С. 872.

² ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 398, л. 3.

³ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 2220, л. 6.

распределенных в Олонецкую гимназию в 1808 году. Только один из них Н. О. Куняев вышел на пенсию по выслуге 25 лет в 1834 году. Несмотря на тяготы службы и бытовые проблемы, назначенному учителю раньше «отработки» положенного срока переезжать на новое место не разрешалось.

Нехватка учебных пособий сказывалась на качестве и методах преподавания. По сообщениям директоров народных училищ, многие выпускники Петербургского университета составляли такие методические пособия. Так в 1806 году учитель математики Петрозаводской гимназии М. А. Копосов составлял «алгебраические выписки из различных классических авторов и лучших ученых российских сочинений о сей материи», поскольку «нет еще в издании алгебры нарочито для народных училищ приспособленной, по которой можно преподавать алгебраический урок», сообщал директор училищ А. Е. Крылов попечителю округа Н. Н. Новосильцеву¹. В своем историческом очерке по истории Олонецкой гимназии ее бывший учитель К. М. Петров, отмечал, что учебники были плохие и учителя сами готовили методические материалы. П. С. Соболев составил пособие по ботанике, И. Ф. Яконовский вел заметки по психологии, и «при рассмотрении существа и видов стихотворений практически занимался умственными сочинениями примеров на разные виды стихотворства»².

Часто дирекция народных училищ привлекала учителей гимназии к инспекторским поездкам по уездным и приходским училищам губернии. Такие обзоры в разное время составляли Г. К. Ореховский, Н. О. Куняев, М. И. Троицкий и другие. При посещении училищ, особенно сельских, учителя встречались с местным населением, духовенством и призывали крестьян открывать в деревнях приходские училища. Обзорение совершалось без дополнительного жалования, и, кроме прогонных денег, визитаторы не получали никакой дополнительной оплаты.

Нравственность и поведение учителя, как в службе так и в быту, становилось особым предметом внимания училищного начальства. Учитель был под постоянным наблюдением инспектора и директора гимназии, смотрителя училищ, чиновников местной администрации (земских исправников, городничего, губернатора), родителей учеников. Директора в своих годовых отчетах по ведомству, составляя списки учителей гимназий и уездных училищ, давали характеристику поведения каждого. Почти все выпускники, приезжая на работу в Олонецкую губернию, вели себя достойным образом. Представления директоров и смотрителей училищ о молодых педагогах изобилуют свидетельствами о «благонравном» поведении. Так, об учителе И. Ф. Яконовском директор С. А. Башинский в 1818 году писал: «Поведения отличного, прилежен, усерден, поведения благородного и нравственного во всех отношениях»³.

¹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 227, л. 1.

² Петров К. М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 г. Материалы для истории учебных реформ Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1874. Кн. 176. № 11. С. 5.

³ ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 1878, л. 123.

Но были и другие примеры, когда поведение учителей характеризовалось как недостойное, неблаговидное, при этом чаще всего имелось в виду пьянство. Упоминание о периодической болезни как «последствии временной неводержанности»¹ учителей Н. О. Куняева и Н. В. Талицкого появились в отчетах директора народных училищ М. И. Троицкого и смотрителя училищ С. С. Помидорова в 1827 году. Одну из причин столь недостойного в учительской среде порока указал учитель П. А. Лопатинский в 1808 году в своем заявлении, увольняясь от должности после 6-летнего срока работы в Петрозаводском главном народном училище. Он, в частности, писал: «Путь, который предпоказан учителям к приобретению высших университетских званий, для меня кажется неприступным. В продолжении более нежели пяти лет не имею я так как и теперь ни частных, ни училищных пособий к усовершенствованию своих знаний. Сверх того, напрасное ожидание любых выгод, назначенных учителям гимназии»². Таким образом, талантливые педагоги, которые способны были многое сделать не только на педагогическом поприще, но и в науке, натыкались на серьезные препятствия. Трудно было тем, кто понимал и оценивал свои способности по достоинству, но не мог применить их на практике, именно эта группа педагогов подвергалась опасности спиться или погибнуть в далекой провинции, так и не реализовать себя в полной мере.

Для поездки во время летних каникул домой к родителям или в Санкт-Петербург необходимо было также просить позволения у директора училищ, который, в свою очередь, о перемещении учителя-выпускника университета докладывал попечителю учебного округа и составлял приказ об увольнении учителя в отпуск на летнюю вакацию. Такие «увольнения» в разные годы учительской службы получили Н. О. Куняев, А. С. Бельзовский, К. В. Баранкоев, И. И. Анциферов и другие.

Приезжая на новые места работы, выпускники по долгу своей службы вынуждены были контактировать со многими жителями города. Надо отметить, что в архивных документах сведений о конфликтных ситуациях, участниками которых становились учителя, выпускники университета, практически нет. Видимо работой этих учителей были довольны и дирекция училищ, которая отмечала только положительные стороны педагогов, и родители учащихся. Ситуации конфликта возникали только с учителями-выпускниками гимназий, когда родители высказывали недовольство качеством преподавания предметов, обвиняя учителей в недостаточном знании своего предмета. Иногда замечания учителям выражали смотрители уездных училищ по поводу «нетрезвого поведения».

Необходимо особо сказать о семейном положении учителей, выпускников университета, работающих в Олонецкой губернии. Приезжая на новое место службы, молодые педагоги достаточно быстро вступали в брак. Обычно их женами становились дочери провинциальных чиновников или дочери

¹ Национальный архив республики Карелия, ф. 17: Директор народных училищ, оп. 5, д. 3 / 6, л. 298.

² ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, д. 2163, л. 4.

учителей. Все учительские семейства были многочисленны. В семье М. И. Копосова было 10 детей, в семьях Н. В. Талицкого, Н. О. Куняева – четверо. Все мальчики из семей учителей окончили Петрозаводское уездное училище, затем Олонецкую гимназию. Во время учебы в гимназии учительские дети всегда характеризовались положительно. Все они прилежно учились, имели награды за отличные успехи. Многие из них были казенными стипендиатами в гимназии. Это давало право на продолжение обучения в университете или занятие учительской должности в уездных или приходских училищах. Так, дети учителей после окончания Олонецкой гимназии приступали к работе в качестве учителей не только в губернской гимназии, но и в уездных и приходских училищах. Важно заметить, что учителя заботились и об образовании своих дочерей. Все они обучались в приходских училищах или в частных школах, открытых в городах Олонецкой губернии с 1834 года.

Одним из примеров продолжения учительской династии и верности делу просвещения может служить семейство М. А. Копосова. Все шесть сыновей Михаила Андреевича после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями. Старший сын Павел работал учителем в Петрозаводском приходском училище, Иван был учителем в Олонецкой гимназии. Сыновья Владимир, Александр, Петр в разное время стали студентами Петербургского университета, вернулись после его окончания домой в г. Петрозаводск, служили в гимназии. Затем Александр и Петр уехали в Санкт-Петербург, где Александр Копосов работал учителем в 1-й СПб. гимназии, а Петр Копосов стал директором 4-й СПб. гимназии. Николай Копосов окончил Олонецкую гимназию с серебряной медалью и «поступил Императорскую С.-Петербургскую Медико-хирургическую Академию в число казеннокоштных студентов»¹. Поступили в Петербургский университет сыновья Н. Н. Познякова, А. И. Мещерского, М. И. Троицкого.

Таким образом, значительная часть представителей выпускников Петербургского университета, посвятивших себя делу просвещения, были молодые общественно активные учителя-труженики, которые работали в провинциальных народных училищах в течение 30–35 лет, причем часто на одном и том же месте. Но были и такие, кто не выдерживал трудностей провинциальной жизни и не находил возможности реализации своих способностей. Такие учителя покидали училища через 6 лет работы, но чаще всего их переводили в дальние от губернского центра уездные училища или увольняли из училищного ведомства.

¹ НА РК, ф. 17, оп. 5, д. 4 / 8, л. 409.